

Речевое поведение судьи в жанре правового дискурса «допрос» (на материале английского языка)

А.М. ЦЕЛУЕВА

В статье анализируется речевое поведение судьи при проведении процедуры допроса в англоязычной судебной системе: устанавливаются функциональные блоки, в границах которых специалист поддерживает общение с другими участниками процесса, а также типы речевых актов, характерных для данных блоков. В заключение представляется вывод о непосредственной связи полученных результатов с основной характеристикой американской судебной системы – ее состязательностью.

Ключевые слова: юрислингвистика, дискурс, правовой дискурс, судебный дискурс, речевой жанр, речевой акт.

The research examines the speech behaviour of a judge during the procedure of interrogation in the American judicial system: it deals with the establishment of functional blocks, within which the specialist maintains communication with other participants of the process, as well as the types of speech acts found in those blocks. In conclusion, the results of the research are stated to be connected with the fact that the American judicial system is adversarial.

Keywords: legal linguistics, discourse, legal discourse, forensic discourse, speech genre, speech act.

Введение. Современной лингвистической традиции свойственно уточнение влияния языка на мир и мира на язык. В таких условиях неизбежно взаимодействие научных парадигм, перенос объектов и предметов исследования из одной науки в другую, а также использование ранее частных методов и методик в границах нескольких дисциплин, что приводит к образованию гибридных направлений исследований. Так, мы говорим о существовании нейро- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, компьютерной лингвистики, социолингвистики и др. Подобная закономерность не является исключением и в сфере взаимодействия языка и права, благодаря чему образовалась **юридическая лингвистика** (юрислингвистика, правовая лингвистика). Проблемы, рассматриваемые в ее границах, – взаимоотношение языка и права. По мнению Дж. Олссона, подобное лингвистическое направление – пересечение языка, правонарушения и закона [1, с. 3]. Перечень юрислингвистических вопросов обширен и позволяет выделить некоторые отрасли: судебная лингвистика, лингвистическая криминалистика, судебная фонетика, судебная психология и др. В границах таких направлений проводятся исследования, представленные дискурс-анализом [2]–[4], теорией и практикой юридического перевода [5]–[6], изучением языка юридических документов и его декодированием [7]–[8], разработкой методов проведения судебной лингвистической экспертизы [9]–[10] и др.

Принимая во внимание направленность нашего исследования на рассмотрение правового (юридического) дискурса, уточним его особенности. Подобный дискурс институционален и описывается набором параметров: 1) функционирование в области права, 2) тематическая связь с правовой системой, 3) направленность на правовое регулирование общественных отношений, 4) участники: специалисты в юридической сфере и взаимодействующие с ними не специалисты. В дальнейшем возможна его типологизация: судебный дискурс (дискурс судей, адвокатов, государственных обвинителей и т. д.), дискурс, связанный с отраслью права (дискурс международного права, административного права, уголовного права и т. п.), дискурс криминалистики и др.

Настоящая работа фокусируется на анализе речевого поведения судьи, реализуемого в границах подвида дискурса права – **судебного дискурса** (коммуникация участников судебного процесса). Такой дискурс строго регламентирован, ограничен по месту (зал судебного заседания), времени функционирования (слушания по конкретному делу) и набору участников (присутствующие в зале заседания). Судебный дискурс имеет письменную (материалы судебного процесса: стенограммы, документы, представляемые в качестве доказательной базы и т. п.) и устную формы (устное взаимодействие участников). В целях определения современных направ-

лений (а также лакун) изучения такого дискурса, перечислим исследования в данной сфере. Так, Т.В. Дубровская рассматривает судебный дискурс со стороны речевых жанров, коммуникации участников в их границах и влияния на нее национально-культурной специфики [2]. М.Ф. Резуненко уточняет тактико-стратегическую организацию общения судей, адвокатов и государственных обвинителей [3]. И.В. Палашевская, по аналогии с Т.В. Дубровской, уточняет жанровую организацию, но фокусируется на референтном, нарративном, модельном компонентах и аксиологических маркерах [4]. При этом нами не было выявлено ни одной работы, основанной на разностороннем анализе речеактовой организации речевого поведения участников (уточнение используемых типов речевых актов, их функциональных особенностей). Подобные аспекты необходимы для более точного определения ролей и направленности коммуникации конкретного участника судебного заседания, что составляет **актуальность** нашей работы.

В такой связи остановимся на понятии речевого акта (РА). Традиционно под этим термином подразумевается высказывание участника коммуникации (отправителя) с позиции интенции и воздействия, которое данное высказывание должно оказать на получателя информации. Все перечисленное – иллокутивная сила высказывания, в зависимости от направленности которой возможна классификация высказываний по речеактовой принадлежности. В настоящее время общепринятой считается типология РА, предложенная Дж. Серлем и Д. Вандервекемом, на основании которой существует пять основных РА: 1) ассертивы – констатация факта, отражение реального положения дел (описание, утверждение, выражение мнения говорящего и др.); 2) директивы – побуждение к действию / отсутствию действия (запрет, призыв, приказ, просьба и др.); 3) экспрессивы – выражение эмоций говорящего, его психологического состояния (извинение, благодарность, радость и др.); 4) декларативы – сообщения об изменениях в текущем положении дел (присвоение звания в определенной сфере, назначение на пост и др.); 5) комиссивы – обязательство что-либо совершить / не совершить (обещание, клятва и др.) [11]–[12]. В дополнение возможно также выделение еще двух РА: 1) менасивы – предупреждение о возможных негативных последствиях (угроза, предупреждение и др.); 2) квеститивы – запрос новой информации (уточнение, вопрос и др.). Кроме этого, проводится разграничение между прямыми (формальные свойства высказывания соответствуют его иллокутивной силе) и косвенными (формальные свойства высказывания не соответствуют его иллокутивной силе) РА [11]–[12]. В границах нашего исследования речеактовое соотношение реплик судьи анализируется именно в границах вышеперечисленных семи видов.

С учетом рассмотренных теоретических моментов и сформулированной актуальности перейдем к обсуждению нашего исследования, **объектом** которого выступает речевое поведение судьи в жанре «допрос», **предметом** – речеактовая организация речевого поведения судьи при проведении допроса, **материалом** – стенограммы англоязычных судебных заседаний по уголовным и гражданским делам. **Цель** исследования – определить разновидности речевых актов, используемых судьей во время допроса, реализуемая в границах таких **задач**, как: а) уточнение функциональных блоков коммуникации судьи в жанре «допрос», б) определение используемых в границах данных функциональных блоков типов РА.

Результаты исследования и их обсуждение. Процедура допроса в американской судебной системе поэтапна (при этом состав участников не изменяется, модифицируется лишь прагматическая направленность коммуникации) и состоит из: 1) прямого допроса (постановка вопросов участниками судебного заседания в сторону свидетеля с их стороны); 2) перекрестного допроса (постановка вопросов свидетелю участниками судебного процесса, представляющими противоположную сторону); 3) передопроса (повторная постановка вопросов участниками судебного заседания в сторону свидетеля с их стороны). Обязателен лишь прямой допрос, следствием которого (для уточнения информации) становится перекрестный допрос, из которого может быть совершен переход в передопрос. В наиболее редких случаях возможно дублирование как перекрестного допроса, так и передопроса (нами было отмечено два процесса, в границах которых процедура допроса осуществлялась по схемам: 1) «прямой допрос – перекрестный допрос – передопрос – повторный перекрестный допрос»; 2) «прямой допрос – перекрестный допрос – передопрос – повторный перекрестный допрос – повторный передопрос»).

Участников допроса представим в следующем виде: 1) юрист допрашивающей стороны (задает вопросы свидетелю), 2) свидетель (отвечает на поставленные вопросы), 3) юрист

противоположной стороны (озвучивает протест в случае, если считает вопрос некорректным), 4) судья (наблюдатель, осуществляет контроль за организацией процедуры), 5) другие присутствующие (секретарь заседания, сотрудники полиции и т. п.). В такой связи можно сделать предположение о минимальной вовлеченности судьи в коммуникацию, что и подтвердилось на основе проанализированного нами материала. Не являются исключением случаи, когда судья не вступает в полноценное общение, его участие ограничивается исключительно междометиями и / или невербальными жестами согласия / несогласия. На основании такого уровня коммуникативной включенности очевидно, что роль судьи в процессе проведения допроса не является основной, при этом, однако, нам удалось отследить проявления довольно активной коммуникативной позиции (развернутые реплики с разнообразной иллюкативной силой). Такие реплики в значительной мере влияют на процесс проведения обсуждаемой процедуры, т. к. являются силой, позволяющей регулировать речевое поведение других участников допроса и осуществлять соблюдение принципа верховенства права. Отметим также, что различий в направленности общения судьи на различных этапах выявлено не было, в связи с чем полученные результаты типологизированы не по принадлежности к этапу, а по функции, для реализации которой использовался набор тех или иных реплик (на протяжении прямого допроса, перекрестного допроса, передопроса возможны все функциональные блоки, в дальнейшем описанные нами). Так, выделим три функциональных блока, в границах которых и рассмотрим речеактовую организацию речевого поведения судьи.

1. Решение организационных вопросов. Представленный блок направлен на регулирование ряда вопросов, связанных с организацией проведения судебного процесса, как: приглашение участников процесса в зал заседания, уточнение необходимых для участников действий на конкретном этапе допроса и за его пределами (например, во время перерыва) и др. Как показал проанализированный материал, подобному блоку свойственно использование ряда прямых и косвенных РА. При этом отметим, что из всего возможного перечня, традиционно определяемого в границах директивов, ассертивов, менасивов, квеститивов, экспрессивов, декларативов и комиссивов, нами были выявлены лишь четыре типа: **директивы, ассертивы, квеститивы и экспрессивы.** Для подтверждения данного тезиса представим подробный анализ нескольких реплик:

Судья: *Thank you, Mr Murphy. All right, are we ready for the Jury then? Okay. Thank you, ladies and gentlemen. All right, your first witness ... Christen Dambrovski. All right, Christen Dambrovski... Is she outside? Okay.*

Секретарь судебного заседания: *Do you solemnly swear or affirm to testify truthfully in this case in a penalty of law?*

Судья: *You have to verbally answer, Mam.*

В границах указанного диалогического единства можно наблюдать за вербальным участием судьи в организации начала процесса судебного допроса, что в данном случае включает в себя а) приглашение в зал судебного заседания присяжных заседателей и свидетеля, а также б) уточнение особенностей принесения клятвы, обязующей допрашиваемого не лжесвидетельствовать. Остановимся подробнее на характеристиках речевых актов, используемых специалистом. Коммуникативная ситуация «приглашение» реализуется путем использования как прямых, так и косвенных РА. Например, высказывание «All right, are we ready for the Jury then?» в целом можно отнести к классу прямых квеститивов (в случае ее направленности на уже находящихся в зале заседания участников в целях уточнения их готовности к появлению присяжных заседателей и, соответственно, началу слушания). При этом, однако, с учетом ориентации реплики также и на присяжных, для которых подобное предложение становится сигналом (просьбой) к появлению в зале суда, по нашему мнению, вполне вероятно рассмотрение реплики и в качестве косвенного директива. Далее судья использует одну из формул вежливости (прямой экспрессив «thank you»), благодаря присяжных. На подобной ноте происходит переключение внимания специалиста на свидетеля: озвучивается имя первого свидетеля стороны обвинения (два прямых ассертива «All right, your first witness ... Christen Dambrovski», «All right, Christen Dambrovski»), затем подается сигнал о готовности принять данного участника (является также и просьбой приступить к допросу) путем использования вопросительного предложения «Is she outside?» в таком контексте являющегося косвенным директивом. В подобном ключе происходит смена ситуации коммуникации на «принесение клятвы». В общение вступает секретарь судебного заседания, на основе указаний которого свидетель клянется не лжесвидетельствовать. При этом, в силу отсут-

ствия специальных знаний, свидетель реагирует на высказывание секретаря невербально, что не является корректным и на что судья указывает прямым директивом «You have to verbally answer, Mam», побуждая вербализировать свое согласие.

Еще один вариант использования прямых директивов для регулирования процесса принесения клятвы продемонстрируем на примере:

Судья: *Come forward, please. When you get to the witness stand, remain standing. Face the clerk here, and raise your right hand.*

Цепь следующих друг за другом указаний «come forward», «remain standing», «face the clerk», «raise your right hand» являются призывом к исполнению формальных действий, регламентированных правилами проведения судебного заседания.

Отдельно подчеркнем, что даже в условиях представленных отрывков наиболее репрезентирован именно класс директивов (подобное присуще всем репликам, в результате анализа материала отнесенных к блоку 1). Такой аспект является вполне логичным с учетом связи блока с решением организационных вопросов, что само по себе предполагает некоторую степень управления действиями других участников (перечисление таких действий и указание на их выполнение).

2. Авторизация действий других участников процесса. Указанный блок получает свою реализацию по схеме: «запрос на действие – получение разрешения / запрет действия», где судья отвечает за часть «разрешение / запрет». Из всех возможных РА нами были отмечены лишь два типа (прямые и косвенные): **ассертивы** (реакция в виде согласия или несогласия с запрашиваемым действием) и **квеститивы** (уточнение дополнительной информации). Отмеченное рассмотрим на следующем примере:

Адвокат: *And I will get to that, Your Honor, is it possible for us to take a very quick break?*

Судья: *Sure. Are you gonna... are you gonna... You still have quite a bit of direct left.*

Адвокат: *Oh, I do have a fair amount.*

Судья: *Okay, all right. Ladies and gentlemen, well, we go ahead and have you take your afternoon break of 15 minutes. Okay? Again – don't do any outside research and not talk to anybody about the case. I know you're going to hear me say it too much. Thank you.*

Указанная часть диалога представляет собой запрос адвоката на предоставление перерыва и положительную реакцию судьи на подобный запрос. Сама по себе реакция выражается прямым ассертивом «sure» (утверждение), за которым следует косвенный квеститив «You still have quite a bit of direct left» (уточнение количества оставшихся у адвоката вопросов, запланированных им в контексте прямого допроса под видом утвердительного предложения). Как можно понять, адвокат адекватно распознает иллокутивную силу реплики и подтверждает наличие еще некоторого ряда таких вопросов (I do have a fair amount). Приняв данный ответ, судья дает разрешение на прерывание судебного заседания, используя прямой ассертив «all right», за ним следует часть, которую релевантно отнести в описанный выше блок 1 (организация осуществления перерыва в судебном заседании), представленная: 1) прямым ассертивом «we go ahead and have you take your afternoon break» (утверждение, констатация факта прерывания процесса); 2) прямой директив «don't do any outside research and not talk to anybody about the case» (запрет на осуществление ряда действий, направленный на свидетеля). Завершается цепь речевых актов комбинацией косвенного (реплика «you're going to hear me say it too much» в такой коммуникативной ситуации является извинением за необходимость постоянного повторения предыдущей фразы) и прямого экспрессива «thank you».

Рассмотрим также более подробно возможность использования прямых квеститивов, для чего проанализируем диалогическое единство:

Адвокат: *Your Honor, we would like to put something on the record if we might. Perhaps the court may want us to approach the bench.*

Судья: *What is the topic?*

Адвокат: *With regard to the jury, we have a request.*

Судья: *A request?*

Адвокат: *A request, yes.*

Судья: *All right. Madam reporter.*

В границах такого взаимодействия судья прежде, чем дать разрешение на обращение адвоката к присяжным заседателям, уточняет причину подобной просьбы, используя два вопроса:

тельных предложения, в данном контексте являющихся прямыми квеститивами: «What is the topic?», «A request?». На основании полученных на данные квеститивы ответов, специалист предоставляет разрешение на осуществление действия утверждением «All right» (прямой ассертив).

3. Контроль за соблюдением правил проведения допроса. Данный блок напрямую связан со следованием ряду запретов (регламентированы устоявшимися правилами проведения допросов), накладываемых как на предъявляемую свидетелем, так и на запрашиваемую адвокатом информацию (из наиболее распространенных: а) hearsay – запрет на свидетельствование, основанное на чужих словах, б) leading questions – запрет на постановку наводящих вопросов, в) laying a foundation – запрет на свидетельские показания без должного обоснования, предоставление домыслов, г) relevancy – предоставление не относящейся к поставленному вопросу информации). Кроме этого, происходит также и контроль за тем, чтобы права других участников судебного процесса не нарушались. Логическая формула такого блока в основном следующая: «выражение протеста – подтверждение / отклонения протеста», где судья отвечает за часть «подтверждение / отклонение» (на основании вышеперечисленных запретов и других правил допроса). При этом, однако, возможны и перебивания (вмешательство судьи в коммуникацию адвоката и свидетеля в случаях, когда реагирование на протест не представляется возможным в силу его отсутствия, однако нарушение правил очевидно).

В описанных условиях нами были отмечены пять видов речевых актов (прямые и косвенные): **ассертивы, квеститивы, директивы, менасивы и декларативы**. При этом преобладают ассертивы и комиссивы, что свяжем с преимущественной необходимостью выражения согласия (несогласия), а также обязательства принятия / непринятия заявленного протеста. Квеститивы возможны в целях уточнения дополнительной информации, необходимой судье для принятия окончательного решения о степени обоснованности протеста, директивы – для регулирования дальнейших действий участников, демонстрации корректного направления развития дальнейшей процедуры допроса, менасивы – для вынесения предупреждений. Рассмотрим несколько примеров.

Адвокат: *Did he see that? She said... she testified he was in the home.*

Судья: *He was home, but was she in the home? I guess how did she know? So, I'll sustain to a foundation.*

В подобном случае нашему вниманию предстает не только отклонение части свидетельских показаний, основанных на домыслах, что выражено прямым декларативом «I'll sustain to a foundation» (сообщение о принятии протеста), но и обоснование такой позиции судьи в ответ на возражения адвоката: комбинация прямого ассертива «he was home» и прямого квеститива «was she in the home» в границах одного предложения, а также еще одного прямого квеститива, следующего сразу за указанной репликой, – «I guess how did she know?».

Следующий пример – вербальная реакция судьи на замечание сотрудника полиции об отсутствии ситуации, выходящей за рамки правил проведения процедуры судебного допроса. Судья подтверждает такую информацию, используя три прямых ассертива: «There has not been so far» (согласие с отсутствием нарушений), «There has not been an objection» (указание на то, что протесты от других участников не поступали – констатация факта), «I would have sustained it if there had been» (уточнение, что в случае наличия протестов они были бы приняты – констатация факта):

Сотрудник полиции: *I might indicate I am well aware and there is no 608 problem.*

Судья: *Well, there has not been so far. There has not been an objection. I would have sustained it if there had been.*

Еще одно диалогическое единство – вариант осуществления описанного нами перебивания коммуниканта. В данном случае – вмешательство судьи в речь свидетеля, отвечающего на вопрос адвоката. Связано подобное с некорректной формулировкой ответа – свидетель вместо требуемых кратких и информативных ответов включил в свою речь большое количество единиц, принадлежащих к фигуральному языку: «he started literally flying», «flying in the air», «he started jumping around and hobbling», что автоматически сделало ее некорректной в заданных условиях:

Адвокат: *Did you see his reaction when that happened?*

Свидетель: *He started literally flying. I mean not flying in the air, but he started jumping around and hobbling and he started screaming, «my knee, my knee». So he started...*

Судья: *Wait, wait. Next question. This is not a narrative. This is question and answer.*

Достаточно интересно также и использование косвенного директива и прямого менасива на материале подобного высказывания:

Судья: *I don't want any conversations while you're over at the jury box. Counsel, if I have to warn you to keep your voice down one more time, it's going to cost you 250 bucks.*

Представленная реплика – не первая по счету попытка судьи обратиться к адвокату стороны, не осуществляющей в данный момент процедуру допроса, с требованием соблюдения тишины. Так, предложение «I don't want any conversations while you're over at the jury box» может быть рассмотрено в качестве прямого ассертива, однако с учетом конкретной ситуации коммуникации вполне возможно и отнесение его к классу косвенных директивов (просьба прекратить общение / общаться тише). Второе же предложение – «Counsel, if I have to warn you to keep your voice down one more time, it's going to cost you 250 bucks» – прямой менасив (угроза наложения штрафа в случае дальнейшего неповиновения).

Заключение. Таким образом, в границах жанра «допрос» речевое поведение судьи осуществляется в пределах трех функциональных блоков: а) решение организационных вопросов, б) авторизация действий других участников, в) контроль за соблюдением правил проведения допроса. Кроме этого, коммуникация представлена шестью типами речевых актов: директивы (решение организационных вопросов, контроль за соблюдением правил проведения допроса), ассертивы (все функциональные блоки), квеститивы (все функциональные блоки), экспрессивы (решение организационных вопросов), менасивы (контроль за соблюдением правил проведения допроса) и декларативы (контроль за соблюдением правил проведения допроса). Подчеркнем, что реплики, направленные на получение фактической информации, связанной с подробностями рассматриваемого дела, для судьи не характерны, что связано с состязательностью американской судебной системы, где адвокаты и другие специалисты выстраивают и доказывают варианты развития событий, доводя их до судьи и присяжных заседателей, которые, в свою очередь, выбирают наиболее адекватную версию и выносят приговор на ее основании.

Литература

1. Olsson, J. Forensic linguistics / J. Olsson. – Trowbridge, Wiltshire : Cromwell Press, 2008. – 256 p.
2. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) : монография / Т. В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010 – 351 с.
3. Резуненко, М. Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Ф. Резуненко. – Ставрополь, 2007. – 19 с.
4. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : монография / И. В. Палашевская. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 346 с.
5. Атабекова, А. А. Юридический перевод в междисциплинарном контексте : монография / А. А. Атабекова. – М. : Юнити-Дана, 2013. – 131 с.
6. Соколова, Л. А. Особенности перевода юридических монографий с английского языка на русский (эпратологический аспект) [Электронный ресурс] / Л. А. Соколова. – Режим доступа : <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1574>. – Дата доступа : 11.10.2024.
7. Кулеш, Г. І. Мова юрыдычных тэкстаў як аб'ект даследавання ў лінгвістыцы і юрыспрудэнцыі / Г. І. Кулеш // Весці НАН Беларусі. – 2019. – Т. 64, № 3. – С. 330–338.
8. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 1999. – С. 12–16.
9. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
10. Орлов, Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю. К. Орлов. – М. : Ин-т повыш-я квалиф. Рос. федер. центра судебной экспертизы, 2005. – 264 с.
11. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.
12. Серль, Дж. Новые понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике : Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – Т. XVIII. – С. 242–264.